

**УЗНИКИ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ**

**М. П. БЕСТУЖЕВ-
РЮМИН**

В. ВАСИЛЕНКО

**М. П. БЕСТУЖЕВ-
РЮМИН**

ЛЕНИЗДАТ • 1966

Владимир Емельянович Василенко
„М. П. Бестужев-Рюмин“

Редактор С. М. Серпокрыл
Художники Ю. П. Китаев, К. Ю. Швец
Художник-редактор О. И. Маслаков
Технический редактор А. И. Сергеева
Корректор И. В. Левтонова

Сдано в набор 19/IV 1966 г. Подписано к печати 9/VI 1966 г.
Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Физ. печ. л. 0,88. Усл. печ. л. 1,02.
Уч.-изд. л. 0,99. Тираж 75 000 экз. М-11743. Заказ № 645.
Работа объявлена в Т. п. 1966 г., № 106

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского Лениздата, Фонтанка, 57

Цена 4 коп.

В наспех сколоченном лагерном домике, склонившись над походным столом, сидел подпоручик Полтавского пехотного полка Михаил Павлович Бестужев-Рюмин. У стены, на ящиках, покрытых разноцветной украинской плахтой, отдыхал хозяин этого домика подполковник Черниговского пехотного полка Сергей Иванович Муравьев-Апостол. При мерцающем свете догоравшей свечи подпоручик старательно переписывал текст «Государственного завета» — сокращенный вариант «Русской правды». Ровными рядами ложились на бумагу слова:

«...Рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми.

Сие уничтожение рабства и крепостного состояния возлагается на Временное верховное правление яко священнейшая и неопременнейшая его обязанность...

Личная свобода есть первое и важнейшее право каждого гражданина и священная обязанность каждого правительства. На ней основано все сооружение государственного

здания, и без нее нет ни спокойствия, ни благоденствия...»

Бестужев хорошо знал автора этих пламенных слов — командира Вятского пехотного полка полковника Павла Ивановича Пестеля — организатора и идейного вдохновителя тайного «Южного общества».

«Южное общество» на Украине появилось в 1821 году, одновременно с «Северным» в Петербурге, которым руководил тогда капитан гвардейского генерального штаба Никита Михайлович Муравьев. Оба эти общества пришли на смену тайным организациям: «Союзу спасения», или, как его иначе называли, «Обществу истинных и верных сынов Отечества», и «Союзу благоденствия».

Тайное «Южное общество» отличалось большой активностью и решительностью. Его Дума (центр) находилась в Тульчине, где тон задавал Пестель. В Думу входили две управы: Каменская под председательством Давыдова и Волконского и Васильковская во главе с Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым.

Особую активность проявляла Васильковская управа, и в этом немалая заслуга была Бестужева-Рюмина.

«Бестужев, — писал декабрист Якушкин, — на Юге был принят в тайное общество, в котором в это время происходило сильное брожение и требовались люди, на все готовые. Тут Бестужев попал совершенно на свое место. Решительный до безумия в своих действиях, он не ставил никогда в расчет препятствия, какие могли встретиться в предприни-

маемом им деле, и шел всегда вперед без оглядки».

Блестящая характеристика. Однако неполная. Бестужев-Рюмин был еще и честнейшим человеком, верным товарищем, незаурядным политиком и дипломатом. Таким его считали Пестель и Сергей Муравьев-Апостол, который наблюдал за своим молодым другом, удивляясь его энергии и работоспособности.

Казалось, что юный подпоручик может трудиться круглосуточно. С утра у него служба в полку, к вечеру — частые поездки по делам тайного общества, а ночью он снова садится за стол переписывать «Русскую правду», которую ему продиктовал сам Пестель.

Уже встает заря. Слабые солнечные блики заплесали на красноватых стволах корабельных сосен, окружавших постройку, а Бестужев-Рюмин продолжал писать: надо торопиться, чтобы размножить пестелевскую «Правду»...

Молодой одаренный человек с пылким воображением, Бестужев-Рюмин видел перед собой картину хаоса на родной земле и царившее вокруг бесправие. В его памяти навсегда запечатлелась трагедия, которая разыгралась 16 октября 1820 года в лейб-гвардии Семеновском полку, куда он был зачислен для прохождения службы, имея семнадцать лет от роду. Молодой подпоручик сам стал жертвой этой трагедии. Он с теплотой отзывался о прежнем командире Семеновского полка Якове Алексеевиче Потемкине, который ненавидел муштру, по-отечески относился к солдатам, уничтожил шпицрутены, палки и

розги, преследовал грубость и рукоприкладство. Добром платили ему и подчиненные. Но великому князю Николаю Павловичу все это показалось вопиющим беспорядком, и по его настоянию Потемкина отстранили от должности.

Вскоре в полку появился новый командир — полковник Шварц, человек ограниченный и жестокий. При нем все переменялось. Он начал «подтягивать» полк. Засвистели хлысты. Доставалось не только молодым солдатам, но и ветеранам, грудь которых украшали боевые ордена и медали.

Среди семеновцев шла молва, что в местечке, где находился со своим армейским полком их новый командир, есть некий холм, под которым погребены засеченные им солдаты. Так и звался этот холм — Шварцева могила.

Зверства и жестокость Шварца переполнили чашу терпения. Солдаты одной из рот решились на неслыханное по тем временам дело: они потребовали убрать Шварца.

Полковник Шварц, перетрусив, поскакал прямо к бригадному командиру великому князю Михаилу.

Великий князь приказал зачинщиков отправить в Петропавловскую крепость. Тогда все роты и батальоны взбунтовались. В гвардейских частях появились прокламации.

Когда император Александр узнал, что его самый любимый полк взбунтовался, он повел жестоко наказывать бунтовщиков. Сотни семеновцев оказались в тюрьме, многие были забиты до смерти, сосланы на каторгу, осталь-

ных разбросали по всей России в разные части. Офицерам-семеновцам запрещалось давать отпуска и принимать от них просьбу в отставку, запрещено было также представлять их к какой бы то ни было награде. Такая участь постигла и Михаила Бестужева-Рюмина. Так он оказался на Украине в Полтавском полку.

По дороге на юг Бестужев-Рюмин несколько раз читал прокламацию семеновцев, которая чудом у него сохранилась. В ней говорилось: «Бедные воины! Посмотрите глазами на Отечество, увидите, что люди всякого сословия подавлены дворянами. В судебных местах ни малого нет правосудия для бедняка. Законы выданы для грабежа судейского, а не для соблюдения правосудия. ЧУДНАЯ СЛЕПОТА НАРОДОВ!

Хлебопашцы угнетены податями; многие дворяне своих крестьян гоняют на барщину шесть дней в неделю. Скажите, можно ли таких крестьян выключить из числа каторжных? Дети сих несчастных отцов остаются без науки, но она всякому безотменно нужна; а вы, будучи в такой великой силе, смотрите хладнокровно на подлого правителя и не спросите его, для какой выгоды дает волю дворянам торговать подобными нам людьми, разорять их и вас содержать в таком положении...»

И как бы в подтверждение прочитанного, Бестужев видел, как по обеим сторонам тракта, тянувшегося от Петербурга на юг, ютились убогие крепостные деревеньки с ветхими

лачугами, переполненными горем и страданиями их обитателей.

Бестужев-Рюмин вспомнил Радищева и его книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» и подумал: «А ведь в любом направлении от столицы — всюду тьма и бесправие».

Лично виденное, пережитое, прочитанное и услышанное от людей, — все это формировало критическое мышление, сознание и характер подпоручика. Это и заставляло его с таким усердием переписывать и пропагандировать «Русскую правду».

И когда переписка «Русской правды» была закончена, Бестужев-Рюмин резким жестом бросил гусиное перо на стол, потряхнул густой шевелюрой и, раскинув руки в стороны, как бы делая глубокий вдох, энергично встал. Протерев кулаками утомленные глаза, он взял исписанные листы и протянул Муравьеву-Апостолу.

— «Русская правда», — заметил Сергей Иванович, — согрета глубокой любовью к родине, которую Пестель ценит превыше всего.

— И мы его любовь разделяем, — торжественно произнес Бестужев-Рюмин и, чуть помолчав, добавил: — Мне говорил Пестель, что свой проект конституции он назвал «Русской правдой» в память древнего памятника Киевской Руси. Он хотел этим названием почтить национальные традиции и оттенить крепкую связь будущей революции с историческим прошлым русского народа.

Они стояли рядом, подпоручик и полковник, два представителя старинных и знатных дворянских родов. Оба благоговели перед песте-

М. П. Бестужев-Рюмин.
Рис. А. Ивановского с натуры.

левской «Русской правдой», в которой провозглашались уничтожение самодержавия, крепостного права и введение в России республиканского строя. Тот и другой готовы были пожертвовать собой ради уничтожения царя и всей его семьи.

Бестужев-Рюмин и Муравьев-Апостол выступили с проектами дерзких планов покушения на царя. Первый из них намечалось осуществить осенью 1823 года во время царского смотра войск под Бобруйском. (Надо отметить, что цареубийство для них отнюдь не было самоцелью, а лишь одним из средств для достижения намеченных ими целей.)

Сергей Муравьев на допросе показывал: «Мнение же, к коему мы склонялись, было, буде возможно будет увериться в карауле, который будет стоять у государя, в одно время овладеть им ночью и произвести возмущение в лагере и вслед за сим, оставя гарнизон в крепости, двинуться быстро на Москву».

План Бестужева-Рюмина и Муравьева-Апостола обсуждался на тайном съезде руководителей «Южного общества». Против него выступил Пестель. Он упрекал руководителей Васильковской управы в поспешности, в том, что они переоценивают готовность общества к выступлению, а также собственные силы и то брожение в армии, на которое хотят опереться.

Спустя некоторое время, Пестель говорил, что он «находил... тысячу причин, доказывавших невозможность ожидать успеха от сего предприятия».

Подавляющее большинство «южан» не под-

держало бобруйский план, и он был отвергнут.

В конце 1824 года Бестужев-Рюмин и Муравьев-Апостол начали разрабатывать новый план покушения на царя. В 1825 году снова намечался царский смотр 3-го корпуса. Предполагалось, что Александр I в Белой Церкви остановится в имении графини Броницкой и что именно этот населенный пункт, по замыслу авторов плана, должен стать местом выступления. Предполагалось поставить к царю в караул членов тайного общества, переодетых в солдатскую форму, «захватить» императора и «нанести ему удар». После покушения немедленно двинуться на Киев и Москву, а из Москвы выделить отряд под командованием Муравьева-Апостола для соединения с Петербургом.

Этот план обсуждался на киевском съезде руководителей «Южного общества». Он имел сходство с уже отвергнутым в 1823 году бобруйским планом. Их отличало лишь то, что теперь уже не солдаты, а члены тайного общества стояли «на часах у государя», и царя не арестовывали, а убивали. Пестель, как и в прошлый раз, решительно выступил и против этого плана. Большинство поддержало Пестеля, и план был отвергнут, так как предложения Васильковской управы обгоняли решения руководства Думы и обостряли внутренние разногласия.

На киевском съезде не было ни Бестужева-Рюмина, ни Муравьева-Апостола. Тем не менее они покорились решению съезда. Однако мысль об убийстве царя не покидала их.

Более всего руководители Васильковской управы рассчитывали на «дух недовольства» в войсках. «Первая масса, которая восстанет, увлечет за собою прочие», — в этом был убежден Бестужев-Рюмин. Он не раз заявлял: «Посланные войска против нас к нам же присоединятся». Ему постоянно казалось, что настроение войск настолько революционно, что при первой же попытке выступления все вокруг «само собой» должно подняться и запылать.

Руководители Васильковской управы не уставали повторять, что, задерживая выступление, тайное общество лишь усиливает опасность, ему угрожающую, и ничего не выигрывает. В этом они были отчасти правы.

Император, преследуемый призраком тайного общества, все более становился недоверчивым, даже к людям, в преданности которых он, казалось, не мог сомневаться. Генерал-адъютант князь Меншиков, подозреваемый императором в близком сношении с людьми, опасными для правительства, лишился своего места. Князь Волконский, начальник штаба, находившийся неотлучно при государе с самого восшествия его на престол, лишился также своего места и на некоторое время отдалился от двора. Князь Голицын, министр просвещения и духовных дел, всегда пользовавшийся милостями и доверием императора, внезапно был отстранен от своей должности.

Еще более подозрительным и невыносимым стал император, после того как он однажды неожиданно получил загадочное письмо. Оно к нему попало не совсем обычно.

Первым получил конверт со странным письмом личный врач царя Виллие. Когда он распечатал его, то обнаружил анонимную записку, в которую был завернут второй запечатанный конверт. Неизвестный автор умолял лейб-медика вручить конверт императору, заверяя, что в нем ничего худого и предосудительного не находится.

Виллие подумал, что он ничего не теряет, если выполнит просьбу анонима. Ежедневно встречаясь с царем, он, улучив удобный момент, отдал конверт императору.

Прочитав письмо, Александр I увидел подпись унтер-офицера 3-го Украинского уланского полка англичанина Шервуда, который убедительно просил императора под каким-нибудь предлогом арестовать его и увезти в Петербург, чтобы он мог лично доложить государю о крайне важном деле, касающемся лично его величества.

Заинтересованный император приказал «арестовать» унтер-офицера, который и был доставлен в Петербург 12 июня 1825 года. Беседа царя с Шервудом вскоре состоялась в уединенном Каменноостровском дворце. Шервуд рассказал ему о действиях тайного общества на юге, о его руководителях. Он оказался осведомленным шпионом.

Для предателя была придумана история его якобы ошибочного ареста, и он вернулся на юг уже как шпион самого государя.

Но не один англичанин Шервуд с жадным вниманием подслушивал у закрытых дверей, за которыми зрело тайное дело декабристов. Доносы царю шли один за другим. Реакция

императора была мгновенной. Цензура стала еще более жестокой. В университетах многие кафедры были уничтожены, как рассадники, по мнению царя, революционных идей.

Александр I отменил обожаемые им смотры полков, в путешествиях не заезжал ни в один губернский город; для него прокладывались специальные дороги по диким местам, где прежде никто не ездил.

Войска были наводнены шпионами и провокаторами. Началась чистка полков от неблагонадежных элементов. Как удар грома разразился над Васильковской управой приказ царя об устранении от командования Алексопольским полком члена управы полковника Повало-Шейковского. Этим полком он командовал много лет. Инцидент с Повало-Шейковским и другими офицерами был предметом специального обсуждения в Васильковской управе и в «Южном обществе».

Тучи сгущались. Беспощадная рука правительства, столько раз шарившая у самого горла заговора, теперь уже нащупывала нужный ей путь.

Все это настораживало Бестужева-Рюмина и других руководителей тайных обществ на юге и севере. Происходившие перемены беспокоили Пестеля. Но он продолжал упорно добиваться объединения всех сил, чтобы сосредоточить их на быстрейшей подготовке ранее принятого плана общего выступления против самодержавия в 1826 году.

За объединение с северянами выступали все члены «Южного общества». Пестель много раз ездил в столицу для переговоров, воз-

лагая руководство «Южным обществом» на Сергея Муравьева-Апостола и Михаила Бестужева-Рюмина. Он доверял им как самому себе. Действия руководителей Васильковской управы, особенно Бестужева-Рюмина, радовали его.

Примерно через год после образования «Южного общества» Бестужеву-Рюмину первому удалось открыть польское тайное общество и установить с ним тесную связь. Это произошло в Киеве на контрактах (так назывались в те времена ежегодно проводимые торгово-промышленные многолюдные ярмарки). Бестужев-Рюмин приложил немало усилий к тому, чтобы присоединить польское общество к «Южному».

Он прежде всего и Муравьев-Апостол взяли на себя решающую роль в создании русско-польского союза.

Вскоре Бестужев-Рюмин мог уже изложить результаты своих переговоров с руководителями польского общества в обстоятельном докладе, написанном на французском языке, под заглавием: «Доклад тайной директории о переговорах с польским обществом». Он был предназначен для лидеров «Южного общества». Но, скорее всего, этот доклад был написан для петербургской поездки Пестеля с целью подробной и точной информации северян.

В январе 1824 года на очередном съезде «Южного общества» Бестужев-Рюмин сделал сообщение о его сношениях с польскими друзьями. Председательствовавший на съезде Юшневский встал из-за стола, подошел к

взволнованному Бестужеву-Рюмину, крепко обнял его, поцеловал и сердечно поблагодарил «за соревнование его успешное в сношениях с польским обществом».

Через несколько месяцев Бестужев-Рюмин открыл еще одну тайную организацию — общество «Соединенных славян», которое существовало самостоятельно. Оно возникло в местечке Решетиловке Полтавской губернии.

Это произошло летом 1825 года. 3-й корпус второй армии был собран в пятнадцати верстах от Житомира под местечком Лещино. Здесь произошла встреча Бестужева-Рюмина со своим старым товарищем капитаном Пензенского пехотного полка А. И. Тютчевым. Зная Тютчева как человека резко антиправительственного настроения, Бестужев-Рюмин в беседе с ним заметил:

— Нам надо самим отыскивать свободу. — И тут же сделал предложение: — Не хочешь ли вступить в тайное общество?

Тютчев насторожился. Он только что вступил в тайное общество «Соединенных славян», а тут ему предлагают другое. Начались разговоры, расспросы. Чувствуя в Бестужеве-Рюмине единомышленника, он открыл своему другу существование общества славян.

С этой радостной и необычной вестью Бестужев-Рюмин поспешил к Муравьеву-Апостолу. На следующий день они назначили свидание Тютчеву. Руководители Васильковской управы разузнали о составе и численности общества славян и попросили собеседника доставить им устав («Катехизис») и

клятву общества. Последний выполнил их просьбу.

Члены общества «Соединенных славян» по своему имущественному положению резко отличались от участников «Южного» и «Северного» обществ. Те, кто входил в тайное общество «Соединенных славян», имели дворянский титул лишь по названию, формально. Подавляющему же большинству из них не ведомы были ни обжитой дворянский дом, ни иностранные гувернеры, ни гвардейская служба, ни участие в офицерских артелях. В такой обстановке проходила и жизнь основателей общества — братьев Петра и Андрея Борисовых.

Общество ставило перед собой политическую цель — образовать федеративный союз славянских республик. На его восьмиугольной печати были обозначены восемь колен славянского племени: русские, сербо-хорваты, чехи, словаки, лужичане, болгары, словены и поляки, всего до 90 миллионов человек. Каждое из этих племен, освобожденное из-под ига самодержавия, должно иметь свои формы управления, законодательство, просвещение, которые отличались бы в зависимости от уклада жизни и обычаев племени. Все «поколения», по мнению «Соединенных славян», должны входить в федеративный союз. В центре союза намечалось «построить город, в который бы посылались депутаты от славянских народов». На берегах морей, омывающих славянские земли, проектировалось построить четыре порта: Балтийский, Черный, Белый, Адриатический. В программу «Объ-

единенных славян» входило уничтожение сословий и освобождение крестьян. Братья Борисовы вместе с поляком Люблянским написали устав общества, названный ими «Катехизисом». Каждый, кого принимали в члены общества, должен был принести клятву на мече. Как гласила клятва, человек вступал в тайное общество «для освобождения себя от тиранства» и возвращения роду человеческому свободы. Он присягал никогда не выдавать своих товарищей, хотя бы ему грозил «самый ад со всеми ужасами», а к цели славянского единства идти во что бы то ни стало, «хотя бы через тысячи смертей и тысячи препятствий, посвятив цели общества последний вздох». Приносивший клятву призывал на свою голову самые страшные бедствия в случае измены.

Руководители общества стремились к максимальной конспирации. Принимаемый человек должен был знать только принимающего, чтобы общество не могло быть открыто во всем своем составе.

Однако достигнуть этого братьям Борисовым не удалось, так как все члены общества были хорошо знакомы друг с другом по службе в армии. В то же время число их быстро росло.

К моменту встречи с Бестужевым-Рюминым славяне переживали внутренний кризис. Они не были удовлетворены найденными ими организационными формами и пытались найти новые направления в своей деятельности. Члены общества чувствовали, что время не сближает их с целью, а «удаляет от оной».

Бестужев-Рюмин и Муравьев-Апостол без промедления отправились в Лещино, чтобы встретиться с лидерами общества «Соединенных славян» подпоручиками 8-й артиллерийской бригады П. И. Борисовым и И. И. Горбачевским. Не застав их дома, они передали записку с приглашением к себе.

«Опасаясь потерять случай, благоприятный их желаниям, — вспоминает в своих «Записках» Горбачевский, — славяне положили, не дожидаясь общего собрания всех членов, порекомендовать Борисову 2-му и Горбачевскому открыть сношения с Сергеем Муравьевым и Бестужевым, но отнюдь не приступать к решительным мерам, не объявить им ничего и ни на что не соглашаться без общего согласия всех членов славянского общества».

Роль посредников между славянами и «Южным обществом» взяли на себя Тютчев и поручик Пензенского полка П. Ф. Громницкий. Вместе с Петром Борисовым и Горбачевским 30 августа они поехали на свидание. Муравьев-Апостол, как хозяин дома, принял их с особенным радушием, осыпал ласками и лестными отзывами. «Бестужев-Рюмин, — вспоминает Горбачевский, бывший при этом свидании, — говорил много и в пылу разговора излил всю душу».

Бестужев-Рюмин подчеркивал необходимость реформы, а также великую важность соединения славян с «Южным обществом», цель которого — введение демократической конституции. Он и Сергей Муравьев-Апостол критиковали замыслы славян. Они указывали на многосложность этих замыслов. А потому,

замечали они, едва ли можно достигнуть их когда-либо. Михаил Павлович кратко рассказал присутствующим о польском обществе.

После этой встречи мнения славян разделились. Одни требовали немедленного соединения с «Южным обществом». Другие настаивали на ликвидации всяких контактов с Бестужевым-Рюминым и Муравьевым-Апостолом и казни Тютчева за нескромность и нарушение правил общества.

Обстановка усложнялась, и кризис в обществе «Соединенных славян» усиливался, но желание его членов действовать немедленно было слишком велико. Состоялось несколько «объединительных» собраний славян с представителями «Южного общества». Но только на пятом собрании судьба славян решилась окончательно. На этом собрании Бестужев-Рюмин произнес свою знаменитую речь, которую задолго и тщательно готовил. Эта речь запомнилась многим славянам и вызвала у них небывалый энтузиазм.

— Век славы военной, — говорил Бестужев-Рюмин, — кончился с Наполеоном. Теперь настало освобождение народов от угнетающего их рабства. Неужели русские, ознаменовав себя столь блистательными подвигами в войне, истинно отечественной, русские, исторгшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма и не отличат себя благородной ревностью, когда дело пойдет о спасении Отечества! Взгляните на народ, как он угнетен! Торговля упала. Промышленности почти нет. Бедность до того доходит, что нечем платить не только подати, но даже

недоимки. Войско все ропщет. При сих обстоятельствах не трудно было нашему обществу распространиться и прийти в состояние грозное и могущественное... Скоро оно восприимлет свои действия, освободит Россию и, может быть, целую Европу».

Бестужев-Рюмин говорил долго и страстно. После речи он снял образок, висевший у него на шее, и на глазах у всех произнес торжественную клятву быть верным обществу и взяться за оружие при первом знаке. Свидетель этого события декабрист подпоручик Горбачевский писал: «Воспламененное воображение, поток бурных неукротимых страстей производили беспрестанные восклицания. Чистосердечные, торжественные, страстные клятвы смешивались с криками: «Да здравствует конституция! Да здравствует народ! Да погибнет различие сословий! Да погибнет дворянство вместе с царским саном!» Образок переходил из рук в руки. Славяне с жаром целовали его, обнимали друг друга, с горящими на глазах слезами радовались как дети...»

Хозяин дома, где проходило собрание, подпоручик Андреевич вспоминает, как он «в знак согласия целовал крест и объявил свою готовность на все, что оное общество ни потребует для блага народа, решился мстить тому, кто есть причиной тиранства, слез, притеснений для моих соотечественников, решился и действовал сообразно постановлениям Бестужева...»

Пользуясь благоприятной обстановкой, Бестужев-Рюмин тут же развил свою мысль

о цареубийстве. Он настаивал на том, чтобы лишить жизни всех представителей царской фамилии, и тут же создал из славян группу цареубийц из двенадцати человек.

Итак, с формальной стороны на собраниях в период Лещинских лагерей общество «Соединенных славян» слилось с южанами. Все ожидали начала действий, намеченных на 1826 год.

Однако дело развернулось не так, как планировали декабристы, и в том числе Бестужев-Рюмин. 19 ноября 1825 года неожиданно умер в Таганроге Александр I. Великий князь Константин от трона отказался. К престолу рвался Николай. В стране создалась сложная обстановка междоусобицы. Этим благоприятным моментом решили воспользоваться члены «Северного общества» в Петербурге. Они назначили восстание на 14 декабря 1825 года. На юге об этом не знали. Неожиданно был арестован Пестель. Руководство южанами полностью перешло в руки Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина.

Прошла неделя после ареста Пестеля. Однако югу по-прежнему ничего не было известно о петербургском восстании.

Для быстрой связи с Петербургом Бестужев-Рюмин выдвинул свой проект личной поездки в Москву, где проживали его родные. Он рассчитывал, что в Москве немало друзей, от которых можно узнать о «Северном обществе», а в случае нужды оттуда недалеко и до Петербурга.

Но возникла трудность. Дело в том, что штрафных семеновских офицеров в отпуск не

пускали, а Бестужев-Рюмин принадлежал к таковым. В это время он получил известие из Москвы о смерти матери. Командир Полтавского полка, где служил Бестужев-Рюмин, не мог сам отпустить Михаила Павловича даже в этом случае. Но будучи членом тайного общества, он сочувствовал молодому офицеру и старался ему помочь. Под фиктивным предлогом, якобы для принятия полкового жалования, командир послал его из Бобруйска в Киев, чтобы предоставить ему случай лично испытать счастье у старшего начальника.

К сожалению, просьба Бестужева-Рюмина не была удовлетворена. Из Киева он заехал в Васильков, чтобы попросить Муравьева-Апостола поехать в Житомир и похлопотать за него у генерал-лейтенанта Рота (кстати сказать, уже знавшего из шпионских доносов, что Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин — члены тайного общества).

Муравьев-Апостол, оставив Бестужева-Рюмина в Василькове, двинулся в путь. По дороге он узнал о свершившихся событиях в Петербурге и из Житомира послал со своим человеком письмо к Бестужеву-Рюмину, в котором извещал о происшедшем. Однако письмо не застало на месте Михаила Павловича. В этот момент он покинул Васильков и скакал по дорогам, отыскивая своего друга с не менее неприятной вестью...

Муравьев-Апостол оставил Васильков 24 декабря, а на следующий день сюда явились жандармские офицеры с секретным предписанием о немедленном аресте его. На глазах у Бестужева-Рюмина жандармы учинили

тщательный обыск, забрали все бумаги, письма и без промедления бросились в Житомир по следам Муравьева-Апостола, чтобы схватить его.

Не теряя времени, Бестужев-Рюмин вскочил на коня и понесся на выручку своего друга. Он мчался с такой быстротой, что уже на первой станции опередил жандармских офицеров и нагнал Сергея Ивановича в Любаре.

Известие об аресте было последним доводом о необходимости восстания. Еще раньше южане обсуждали возможность выступления, если начнутся аресты. Но теперь они должны были действовать в одиночку, без северян. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин отлично сознавали всю трагичность положения и все же решились выступить. Расчет — на всеобщее недовольство в армии и народе. Необходимо было немедленно поднять Черниговский полк. Бестужев-Рюмин торопился к нему. Он наспех написал записку к славянам о начале действий и вручил ее брату Муравьева-Апостола Артамону с просьбой отправить по назначению. Артамон согласился выполнить задание, но в последнюю минуту струсил, и славяне остались в неизвестности. А это была наиболее надежная и солидная сила в подготовке восстания.

Покинув Любары, Бестужев-Рюмин и Муравьев-Апостол направились через Бердичев на Паволочь. Тем временем жандармы, узнав в Житомире, что преследуемые уехали, кинулись по их следам в Любары по бердичевской дороге, но и там уже никого не застали. По

пути они неожиданно встретили еще одного жандарма, у которого имелся на руках пакет с секретным предписанием об аресте Бестужев-Рюмина. Жандармы разделились на два отряда и бросились в погоню в разных направлениях. Но оба наших героя сумели опередить их и, миновав Паволочь, свернули на Фастов. Действительной же целью преследуемых были Трилеса, где располагались верные им войска.

По пути Бестужев-Рюмин разослал связанных с призывом поднимать полки. Сам он, покинув Муравьева-Апостола, мчался в Радомысл и Брусилов в надежде поднять расквартированные там воинские части. Это спасло его на несколько дней от ареста, которого не сумел избежать в Трилесах Муравьев-Апостол.

Жандармы, узнав, что сюда к рассвету должен вернуться Бестужев-Рюмин, устроили засаду. Но счастливый случай позволил Михаилу Павловичу избежать неминуемой беды. Преданные офицеры успели предупредить его о засаде и даже освободить Муравьева-Апостола...

События снова переносятся в Васильков, куда вернулись Бестужев-Рюмин и Муравьев-Апостол и где дух восставших был особенно высоким. Перед ними выступил Бестужев-Рюмин и зачитал революционный «Катехизис», авторами которого являлись он сам и Муравьев-Апостол. Документ этот свидетельствует о республиканской сущности восстания. Он состоит из вопросов и ответов, изложенных простым языком, рассчитанным на

читателя и слушателя — солдата, человека из народа.

«Катехизис» Бестужева-Рюмина и Муравьева-Апостола отвергал самодержавие и абсолютизм, утверждая, что «избрание царей противно воле божьей», и обосновывал установление справедливого строя без царей.

«Вопрос. Какое правление сходно с законом божьим? Ответ. Такое, где нет царей. Бог создал всех нас равными...»

«Вопрос. Отчего же русский народ и русское воинство несчастно? Ответ. От того, что цари похитили у них свободу».

В «Катехизисе» подчеркивалось, что цари «тиранят только народ», что «русский народ и русское воинство страдают потому, что покоряются царям».

На вопрос: «Что ж святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?» — следует ответ: ополчиться «против тиранства».

В полном соответствии с этим документом были написаны Бестужевым-Рюминым и революционные прокламации. По его инициативе в Киев было послано пять человек для разбрасывания прокламаций среди населения.

Перед восставшими возникли сразу две задачи. Следовало прежде всего сплотить выступившие войска, сомкнуть их в единый боевой коллектив, привлечь новых участников, позаботиться о ресурсах восстания — деньгах, провианте. Вторая основная задача — выработка плана восстания: что делать, куда идти?

Обе эти задачи пришлось решать военному

совету, во главе которого стояли Бестужев-Рюмин, Муравьев-Апостол и еще четыре офицера.

Однако «Южное общество» повторило ошибки «Северного». Декабристы-южане тоже не перешли в решительное наступление, а топтались на месте. Они все время ожидали присоединения новых частей, делали ставку лишь на полки, в которых было много членов «Южного общества». К сожалению, поездка Бестужева-Рюмина в Радомысл и Брусилев кончилась неудачей. Полки Кременчугский и Алексопольский, располагавшиеся в этих местах, отказали им в поддержке. То же произошло и с ахтырскими гусарами. Все попытки Бестужева-Рюмина связаться со славянами не принесли успеха.

Через несколько дней восстание декабристов на Украине было потоплено в крови. Бестужева-Рюмина арестовали.

Царь устроил над ним жестокую расправу. Двадцатидвухлетний революционер-декабрист Михаил Павлович Бестужев-Рюмин, закованный в кандалы, был доставлен в Петропавловскую крепость. Его заточили в одну из камер в Секретный дом Алексеевского равелина.

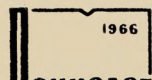
17 мая 1826 года специальная следственная комиссия, созданная по указу царя, выбрала 121 виновного из числа декабристов. Они были разбиты на 11 разрядов по степени тяжести «преступлений». Пять декабристов — Пестель, Рылеев, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский — оказались «внеурядными».

Каждого из этой пятерки суд приговорил к четвертованию, замененному затем казнью через повешение.

На рассвете 13 июля 1826 года во всех концах Петербурга раздалась нервная барабанная дробь. Наряд от каждого гвардейского полка двинулся к Петропавловской крепости. И почти одновременно открылись двери казематов, где провели последние часы приговоренные к смерти. Переступив порог камеры, Михаил Павлович Бестужев-Рюмин снял с груди маленький, оправленный в позолоченный обруч образок и протянул его тюремному сторожу, который благосклонно и сочувственно относился к узникам. Это был тот самый образок, на котором приносили клятву члены тайного общества.

Образок остался у сторожа, а Бестужев-Рюмин, громыхая кандалами, отправился в свой последний путь. На месте казни болтались зацепленные за перекладину пять веревочных петель. Бестужев-Рюмин отвернулся от виселицы и взглянул вверх. Над крепостью медленно плыли серые петербургские тучи, золотом отливал шпиль Петропавловского собора...

4 коп.

 1966
Лениздат